

Ли́за Дэлби

ГЕЙША

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д94

Liza Dalby
GEISHA
Copyright © Liza Dalby, 1983
All rights reserved

Издательство выражает благодарность *Curtis Brown Ltd.* и литературному агентству
Synopsis Literary Agency за содействие в приобретении прав

Перевод с английского Вячеслава Симакова под редакцией Нины Беляевой
Серийное оформление и оформление обложки Александра Андрейчука

Дэлби Л.

Д94 Гейша : документальный роман / Лиза Дэлби ; пер. с англ. В. Симакова ; под ред. Н. Беляевой. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2025. — 384 с. — (Cora).

ISBN 978-5-389-27137-1

Лиза Дэлби — первая в мире неяпонка, работавшая гейшей, — провела уникальное исследование загадочного и закрытого для чужаков мира изящества, красоты и традиций, который с давних времен очаровывал и увлекал Запад. Приглашая нас в самое сердце спрятанного от посторонних глаз сообщества, Дэлби подробно описывает реальную жизнь гейш, открывая нам глаза на древнюю профессию, которая продолжает выживать в современной Японии. Сегодня гейши обеспечили себе достойное место в обществе, совершив переход от законодателей моды к хранителям культурного наследия, но идеал женского очарования в сочетании с традиционным искусством, который представляет собой образ гейши, по-прежнему глубоко укоренен в Японии и вызывает восхищение всего мира.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© В. В. Симаков (наследник), перевод, 1999, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-27137-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гейши и антропология

Это книга о гейшах. Обращена она к тем, кого интересует загадочный и волнующий образ женщины Востока. С другой стороны, это книга о культуре Японии. Кто такая гейша и чем она занимается, можно понять, только рассматривая ее в общем культурном окружении. А значит, следует познакомиться с японскими обычаями, историей, правом, религиозными верованиями, одеждой и пищей японцев, их музыкой, эстетикой и тем, в чем среди всего прочего выражается их самобытность; без всего этого невозможно понять, кто же такие японские гейши. Вместе с тем в мои планы вовсе не входило из всего того, что составляет понятие гейши и связано с ним, пытаться сконструировать некую общую схему или теорию, которая помогла бы познать Японию. Феномен гейши лишь дает возможность проникнуть в сущность того, что представляют собой японцы и их страна.

Гейша вовсе не является особым сектором более обширной сферы жизни, скажем, японского общества в целом, она не есть его символ или типичный представитель. Но гейшу также не отнесешь к маргинальной субкультуре в области национального бытия. Гейши глубоко укоренены в японской культуре; в Стране восходящего солнца их считают «самой японской» из всех других групп населения, поддающихся идентификации. И вместе с тем это особый социальный типаж, который можно понять только в том случае, если учитывать его отличия от представителей прочих слоев общества.

Главная особенность гейши состоит в том, что она — антипод жены. Гейша резко отличается от жены во всех отношениях, и в каждом они полные противоположности. Если гейша выходит замуж, она перестает быть гейшей. С точки зрения японского мужчины, гейша и жена хорошо дополняют друг друга — в этом заключен смысл их параллельного существования. Хотя жена часто имеет профессию и работает вне дома, социально она прикована к нему¹. В отличие от американцев, японские супруги крайне редко выходят из дома парой. Кроме того, любовь у японцев вовсе не обязательна при заключении брака, даже если он считается идеальным. Гейша должна быть сексуальной, в то время как жена может оставаться ледышкой; первая обязательно артистична, вторая бесцветна; первая весела и остроумна, вторая скучна и серьезна. Однако следует иметь в виду, что все эти противопоставляемые свойства в Японии самобытны; скажем, сексуальность там понимают несколько иначе, нежели в Америке и Европе.

Суть ремесла гейши наверняка приведет иностранку в негодование. «Игрушка для мужчин!» — скажет она, и тем самым профессия гейши будет заклеимена навечно. С точки зрения стороннего наблюдателя, для которого мужчина в Японии во всех отношениях занимает однозначно доминирующее положение, такое раздвоение женской роли даст японкам право считать свое положение несправедливым. Почему жена не может проводить время вне дома с мужем? Почему гейше нельзя заключить брак и устроиться на обычную работу, как всем? Зачем вообще нужны эти гейши? Но в Японии жены и гейши относятся к подобным вопросам

¹ Работающих женщин в возрасте 25–55 лет (в основном замужних) в Японии около 25 процентов. — *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. авт.*

по-разному, и это различие не объяснить непониманием или превратными представлениями.

В этой книге основное внимание уделяется мировоззрению гейш. Естественно, на него влияет то, как жены относятся к гейшам, и то, как сами гейши воспринимают мнение жен. Хотя гейшу никак не назовешь феминисткой, она по иронии судьбы сумела обрести экономическую самостоятельность, добилась известной власти и влияния исключительно благодаря себе. Гейша пользуется свободой, недоступной для жены, и планирует карьеру, не боясь оказаться выброшенной на улицу в тридцать пять лет (во многих компаниях это верхний возрастной предел для служащей или секретарши). Я не могу разделить мнение западных феминисток о том, что гейша — рабыня-наложница, и не считаю эту профессию умирающей или подлежащей ликвидации, если речь идет о равноправии женщины с мужчиной. У читателей может быть своя точка зрения, я же попыталась нарисовать картину того, какой гейша видит себя самое и какое место отводит себе в японском обществе.

В качестве антрополога я собирала материал для книги о естественных условиях жизни гейш, как говорят в нашей науке, в поле: поехала в Японию и жила среди гейш. Мои знания *карюкай* — «мира ивы и цветов», как называют сообщество гейш, — почерпнуты из самых разнообразных источников. Я разговаривала с гейшами, бывшими и нынешними, владельцами заведений с гейшами, представителями четырнадцати ведомств, регистрирующих гейш в разных городах Японии. Иногда беседы были недолгими, в других случаях проводились многократные встречи в течение тех четырнадцати месяцев, которые заняли у меня полевые исследования. Иностранцу гейша может видаться совершенно определенным явлением, имеющим строгие границы и свойства,

а в Японии гейш великое разнообразие, как форм и оттенков у розы. Чтобы разобраться в этих различиях, я разослала по четырнадцати общинам гейш опросные листы и получила ответы от ста участниц.

Анкетирование и беседа считаются стандартными методами исследования. К таковым же у антропологов относятся прямое общение и личное участие в повседневной жизни исследуемой группы. Ради этого я и примкнула к коллективу гейш общины Понтотё в Киото. Лично мне термин «исследование» не нравится, поскольку он предполагает известную эмоциональную отстраненность, якобы необходимую для полной объективности. Мне же позволили приобщиться к жизни этих женщин, за что я очень благодарна. Я старалась вникать во все, что происходило в моем окружении, однако очень скоро поняла: отдаваясь новой жизни всей душой, я оказалась не в состоянии сохранять требуемую дистанцию между собой и предметом исследования. Обучение ремеслу гейши захватило меня целиком. Объективность, подведение итогов и анализ собственного опыта пришли гораздо позже.

И все же книга моя остается глубоко субъективной, я много места отвела откровенному изложению личных переживаний. Выражаясь точнее, описанию своего опыта в качестве гейши Итигику я отвела не меньше места, чем описанию жизни настоящих гейш, изучением которых я занималась все это время. Не хочу притворяться, что была наблюдателем-невидимкой, что смотрела со стороны и безучастно записывала все, что происходило у меня на глазах; было бы просто бесчестно утверждать, будто мое присутствие никак не влияло на отношения между людьми, которые меня интересовали. Наоборот: во время пребывания в роли гейши Итигику я сама стала знаменитостью, и меня интервьюировали так же часто, как я сама интервьюировала других.

В книге много внимания уделено гейше Итигику, и на то есть свои причины. Во-первых, мне хотелось показать, как женщина становится гейшей. Всякая новенькая должна пройти курс *минараи* — обучения путем наблюдения в особой японской школе, куда я с легкостью поступила. Встретили меня там спокойно, потому что для всех вокруг это было совершенно естественно: раз я хочу стать гейшей, курс *минараи* обязателен; более того, узнав о моем намерении серьезно познакомиться с жизнью гейш, они сами рекомендовали мне пройти обучение. Превращение аспирантки Лизы Крифилд в Итигику из общины Понтотё происходило постепенно, шаг за шагом, и в главах о собственном опыте я попыталась проследить это превращение. Поэтому на вопрос о том, как гейша становится гейшей, я отвечаю на основе личных впечатлений. Конечно, случай Итигику нетипичен, но типичной гейши и не существует.

Еще мне хотелось обрисовать испытанные мною, американкой, трудности, проистекавшие из различия культурных стандартов. Однако то, что вначале пугает как странное и непривычное, в повседневности ощущается вполне удобным и уместным. Так что в конце концов по ходу учебы японское мировосприятие пришло ко мне как единственно правильное и естественное. В книге сочетаются две позиции: с одной стороны, я выступаю как человек иного мира, которому важны объяснения; с другой стороны, я смотрю на происходящее изнутри и останавливаюсь на вопросах, которые для стороннего наблюдателя могут не представлять особого интереса, но кажутся любопытными и достойными внимания с точки зрения гейш.

Эту книгу можно считать этнографическим исследованием, описанием обычаев отдельной группы людей. Но я не собиралась составлять каталог привычек и нравов гейш в раз-

ных областях Японии. Всякое описание требует отправной точки, и я хочу объяснить свою. Эту книгу можно назвать интерпретацией этнографии; я поставила перед собой цель объяснить культурологический смысл и роль людей из мира гейши, предметов ее быта и тех ситуаций, в которых она оказывается. В некоторых случаях это требовало отклонений от темы (например, по поводу японского юмора), которые на первый взгляд могут показаться не имеющими никакого отношения к гейшам. И все же к какому бы вопросу культуры мы ни обратились — будь то личность гейши Сакурако, чайная церемония или введение гейши-ученицы в сексуальную жизнь, — его невозможно рассмотреть и тем более достоверно описать вне «паутины значимости», придающей этим вещам в «мире ивы и цветов» особый смысл.

Разумеется, автор сам решает, до каких пределов следить за ходом нити этой паутины и сколько ее узлов следует распутать, а значит, фигура писателя все-таки далеко не второстепенная. Это вторая причина того, почему многие главы написаны от первого лица. В отличие от обычных работ по этнографии, где присутствие автора практически не ощущается и явления описываются как сторонний объект наблюдения, моя книга не позволяет читателю забывать, что впечатления в ней сформированы Итигику. В одних главах это более очевидно, в других — менее (один из моих друзей, знакомясь с черновой рукописью главы «Провинциальная гейша», заметил, что там представлена оценка культурной японской глубинки с точки зрения гейши из Киото), но авторская честность, если будет позволено употребить столь возвышенное выражение, требует от меня не делать тайны из своих страхов, тем более что мое становление в качестве гейши и формирование соответствующих взглядов происходили так стремительно и так необычно.

Меня часто спрашивают, с какими женщинами из другого общества можно сравнить японских гейш. Как специалисту в области антропологии, мне хотелось бы найти верный ответ, но признаюсь, что до сих пор в этом не преуспела. Причиной тому, во-первых, служит недоверие, с которым я отношусь к надуманным эквивалентам, а во-вторых, у меня нет готовой теории относительно функций гейши в Японии, которая могла бы служить базой для сравнительной культурологии. Сопоставление культурологических свойств и особенностей предполагает жесткое упрощение предмета исследований, отказ от культурных матриц для выявления единиц, пригодных для сравнения. Моя же работа шла в обратном направлении и была нацелена на выявление культурологической уникальности гейши. У нее, несомненно, немало общего с гетерой классической Античности, с корейской *киса-енг*, с синими чулками Франции семнадцатого века и *сяошу* императорского Китая. Но анализа схожести этих явлений в моей книге вы не найдете, тем более что такой цели передо мной не стояло.

У меня могут спросить, почему я не касаюсь важного аспекта проблемы гейши — ее образа и стереотипа на Западе. Представление о гейше как экзотической соблазнительнице, искушенной в искусстве ублажать мужчин по учению Камасутры, стало американско-европейским культурологическим стереотипом задолго до прибытия в Японию кораблей Перри¹. Госпожа Хризантема Пьера Лоти и Окити Таунсенда Харриса (ни та, ни другая героиня, в сущности, гейшей не была) — классические примеры, как считалось, женщин

¹ В 1852 году эскадра commodora Мэтью Колбрайта Перри прибыла в Японию, чтобы установить дипломатические отношения от имени США. — *Примеч. ред.*

легкого поведения, которые на Западе ассоциируются с понятием гейши. Тема волнующая, но такой подход говорит не столько о самой гейше, сколько о навязчивом любопытстве Запада к ее секретам.

Так что же значит быть гейшей? Ответов на этот вопрос, конечно, множество. У меня есть свой вариант, и я попыталась показать, что для выяснения вопроса совершенно необходимо учитывать фактор культуры.

Двадцать четыре года спустя

Когда в середине семидесятых годов я описывала гейш и их место в современном обществе Японии, моя работа превратилась в моментальный снимок целой эпохи. Гейша остается знаменосцем традиций, но жизнь в быстро меняющемся мире оказывает большое влияние на эту профессию. И может ли быть иначе? *Мамы* гейш, заправлявшие общинами в 1974–1975 годах, когда я ненадолго влилась в их ряды, достигли зрелого возраста до Второй мировой войны. Их опыт и виды на будущее формировались в более суровой и жестко очерченной обстановке, нежели окружение молодых гейш, которых *мамы* воспитывали и обучали в послевоенные годы. Руководительницы общин, о которых я пишу в этой книге, уже удалились от дел или перешли в мир иной. Молодые гейши, бывшие моими наставницами, приобрели опыт и получили власть.

С того дня, как в общине Понтотё появилась гейша Итигику, миновало двадцать четыре года. За это время заведение «Мицуба» моей *мамы*-гейши, стоявшее на берегу реки, снесли, и на его месте поднялось пятиэтажное современное здание, где расположены модный ресторан, бар, конторы и жилые помещения на верхнем этаже. Я была поражена,

когда *мама* рассказала, что все это принадлежит ей. Она не была сентиментальной. Живое следя за всеми новшествами, она активно руководила работой общины Понтотё до самой своей смерти в 1992 году от сердечного приступа.

Четверть века назад появились явные признаки того, что жизнь гейши начинает идти по-новому, а ныне эта тенденция стала совершенно очевидной. В 1989 году премьер-министр Уно Сосукэ был вынужден уйти в отставку, когда гейша-любовница публично обвинила его в скупости и надменности. Дело Уно впервые в политической жизни Японии показало, что сожителство женатого политического деятеля с гейшей (на любовную связь никогда внимания не обращали, это считалось нормой) может быть расценено как распутство. Японские жены в таких делах стали не столь терпимыми и смиренными, какими были раньше.

В 1995 году обиженная гейша-ученица подала в суд на свое заведение, обвинив *мату* в том, что та безжалостно ее эксплуатирует. Выиграв процесс в суде, она не успокоилась и открыла собственное дело — вызов *майко* по телефону на дом. Если такое случилось, значит, многое сильно изменилось.

Но надо заметить, что обстановка, сделавшая возможной подобную судебную тяжбу, затеянную «адской *майко*» (так японские журналисты окрестили смелую ученицу), начала складываться уже в мою бытность гейшей. Еще в те годы *майко* стали туристической достопримечательностью Киото, и масса молодых девушек была вовлечена в общины гейш с целью удовлетворить повышенный спрос на девочек-куколок, превратившихся в секс-символ города. Большинство этих девушек просто несколько лет поиграли в *майко* безо всякого желания попытаться понять суть своего занятия и принять на себя обязанности полноправной гейши.

Мои приятельницы из числа гейш рассматривали любовницу премьер-министра Уно как разложившуюся, бесстыжую *майко*, как продукт неверного воспитания. Но факт остается фактом: судебные процессы с участием гейш были невозможны в прежнее время. Громкие скандалы образовали трещины в глухих стенах, окружавших частную жизнь гейши.

На протяжении всей своей истории «мир ивы и цветов» расширялся или, наоборот, сужался в зависимости от финансового благополучия в стране. Когда клиентура процветала, дела гейш шли хорошо, а численность общин росла; когда же наблюдался спад в экономике, развлечения отменялись и гейши теряли работу. В девяностые годы экономические пузыри Японии начали лопаться один за другим, и население в кварталах гейш стало сокращаться. И все же я не думаю, что зарю двадцать первого столетия Япония встретит без своих гейш. Их сознательное служение охране японских традиций — а это определяющий момент профессии гейши — остается неизменным. До тех пор, пока японцы останутся верны своим культурным ценностям, никакие скандалы современного общества не представляют опасности для гейши. Однако дальнейшее сокращение численности гейш, по-видимому, неизбежно.

*Лиза Дэлби
Беркли, штат Калифорния
Февраль 1998 года*

ЧАСТЬ I

Новая семья

ГЛАВА 1

Сестры

Даже сливы рдеют смущеньем,
Когда по весне
Прольется запоздалый дождь.

*Начальный куплет
из лирической песенки-коуты*

Гибель гейши

Начало апреля в Киото ни с чем не сравнимо. По берегам реки зацветает вишня, и лесистые горы окутывает легкий розовый туман. По вечерам в парке Маруяма собираются японцы, они неторопливо пьют пиво и саке под ветвями древней плакучей вишни, роняющей нежные цветы неземной красоты.

Апрель считается одним из самых беспокойных месяцев в году в кварталах гейш Киото. Ежедневно в театр Понтотё набиваются зрители посмотреть весенний спектакль гейш «Танец реки Камо». По вечерам чайные домики и рестораны, где клиентов обслуживают гейши, переполняют гости из Токио и других близлежащих городов, стекающиеся в Киото на цветение сакуры и танцевальный фестиваль гейш.

Ночь напролет по широким мощеным набережным реки Камо, освещенным только фонариками расположенных вдоль берега чайных домиков Понтотё, гуляют группы сту-

дентов и парочки влюбленных. Река всегда завораживает, а запахи весенней ночи кружат голову. Гейши и их богатые гости смотрят вниз на гуляющую молодежь, которая группами и парами бродит вдоль тихой реки. Самое прелестное и ценное в Понтотё — это замечательное расположение квартала. Но если за удовольствие любоваться сказочным видом гейши и их гости вынуждены платить, причем немало, то молодежь все это получает бесплатно.

В некоторых банкетных залах, обращенных к реке, можно воспользоваться сильным биноклем, и гейша игриво предлагает престарелому гостю понаблюдать, как парочки влюбленных потихоньку уединяются под сенью городских мостов. Юная гейша, выглянув в окно из-за плеча седоголовых посетителей и шумно вдохнув весенний воздух, может признать, что и ей хотелось бы пройтись там с молодым кавалером.

В конце апреля 1978 года в один из таких вечеров, напоенных ароматами весны, можно было уловить запах гари, плывущий над рекой с западного берега Камо. Никто не обратил внимания на тонкую струйку дыма, поднимающуюся над тесно стоящими деревянными домиками квартала, где жили и работали гейши Понтотё. Но к четырем часам утра ревущее пламя уже пожирало сразу несколько домов. Обезумевшие гейши, подхватывая летающие на ветру ночные кимоно, метались с ведрами к реке и плескали водой на крыши своих домов, пытаясь помешать распространению самой большой в Японии беды — пожара. Когда рассвело, на месте десятка домов дымились развалины и одна юная гейша лежала мертвой.

Ее *мама* и две *сестры* сумели выскочить, пока в ядовитом дыму еще можно было дышать, и в сутолоке узкой улочки никто не спохватился, что в доме осталась еще одна девушка. Когда три месяца спустя мне передавали эту исто-

рию, одна пожилая гейша говорила, что тот ночной кошмар все еще стоит у нее перед глазами и в ушах звучит жалобный голос, зовущий *окасан-мamu*, хотя у рассказчицы не было уверенности, действительно ли она слышала этот голос, или ей просто показалось.

Семья у гейш

Владелицу чайного домика называют *окасан*. Гейша, раньше других дебютировавшая на этом поприще и обладающая статусом старшинства, называется *онэсан*, *старшая сестра*. Оба наименования несут на себе печать уважения. Когда речь идет о конкретной *старшей сестре*, обладающей бóльшим правом, гейша скажет, что завязала с ней узел, имея в виду особую церемонию породнения двух гейш, сделавшую их *сестрами*.

В те месяцы, что я провела в «мире ивы и цветов», живя вместе с гейшами, моей *онэсан* была гейша Итиумэ. Мне тогда было двадцать пять лет, а Итиумэ — двадцать два. То, что она была тремя годами младше меня, никакой роли не играло: у гейш значение имеет не возраст, а опыт. К моменту нашей встречи Итиумэ три года провела как *майко*, то есть ученица, и полтора года служила уже полноправной гейшей.

В качестве *младшей сестры* Итиумэ я шла под именем Итигику. У Итиумэ раньше не было *младшей сестры*, но она очень старалась обучить меня тонкому этикету общества гейш, конечно в пределах того, что сумела узнать сама. «Слепец ведет незрячего», — вздохнула одна из *мам*, задав нам взбучку, когда мы обе опоздали на мероприятие. Скорее всего, Итиумэ поручили шефствовать над новенькой гейшей-американкой потому, что ее саму не воспринимали всерьез. Но со временем дела у нас пошли куда лучше, чем рассчиты-

вали мамы. Когда мне пришло время покинуть Японию, все говорили, что я оказала на Итиумэ хорошее влияние. Появление младшей сестры, даже такой необычной, как я, дало Итиумэ возможность сделать новый шаг в повышении ответственности как члена сообщества гейш.

Пробыв в Понтотё год в качестве Итигику, я вернулась в Штаты и приступила к написанию работы о гейшах. Дома я очень скучала по своей новой семье, часто звонила им и писала письма. Время от времени от мамы приходили ответные послания с каракулями приписки от Итиумэ. Я страшно жалела, что полгода спустя не смогла побывать на церемонии закрепления уз родства Итиумэ с новой, уже настоящей младшей сестрой. В то время гейши Понтотё затеяли проводить тщательно подготовленные вечеринки для вовлечения в свою компанию новых учениц. Окасан прислала мне коллективное фото участников подобной встречи, на котором я нашла знакомое лицо с надменно отстраненным выражением и узнала в нем молоденькую первокурсницу по имени Мидори, которая занималась классическим танцем и собиралась стать майко.

Мидори с детства мечтала служить майко и ходить в длинном расшитом кимоно и в сандалиях на высоких деревянных каблуках с колокольчиками. Очень многим жизнь майко представляется слишком старомодной, тоскливой и полной ограничений; втайне даже некоторые майко сами придерживаются того же мнения. Но Мидори смотрела на вещи иначе, и такая жизнь была ее заветной мечтой. Владелицы чайных домиков Понтотё ставили ее всем в пример и надеялись со временем увидеть в ней великую гейшу. В беседах с мамой я часто обсуждала Мидори.

Число майко в последние годы стало угрожающе сокращаться. За пару лет до моего появления в Понтотё май-

ко практически исчезли вовсе. Когда я приехала в общину в 1975 году, учениц было всего четыре. Мидори под профессиональным псевдонимом Ититоми предстояло стать пятой. Даже в Киото кандидатке в гейши совсем необязателен опыт *майко*, однако истинными гейшами считались лишь те, кто проходил весь традиционный путь обретения почетной профессии.

Настоящая мать Мидори была когда-то гейшей из близлежащих кварталов Миягава-тё, где существовала одна из шести самых известных в Киото общин-*ханамати*. Меня удивляло, что Мидори не стала гейшей в родном районе. Но такие вопросы не принято задавать прямо, зато их можно было обсудить с моей *окасан* — бывшей гейшей, хозяйкой престижной гостиницы и столпом общины Понтотё — за чашкой чая днем или закусывая после банкета в ее кабинете в доме «Мицуба».

— Ты ведь пишешь работу о гейшах, Кикико, — сказала *мама*, назвав меня уменьшительным японским именем, — значит, тебе нужно знать, что такое Миягава-тё. Существует выражение «двойная регистрация» — как раз этим и занимаются участницы таких общин. Их, конечно, можно называть гейшами, но они не только танцуют для клиентов, а делают еще кое-что¹.

— Поэтому Мидори не захотела там работать? — догадалась я.

— Вообще-то, идея принадлежала ее матери, — ответила *окасан*. — И на мой взгляд, это правильное решение. В мо-

¹ «Двойная регистрация» ведет свое начало со времен, когда в Японии проституция была официально разрешена. Проститутки получали свою лицензию, гейши — свою. Одна женщина не могла иметь сразу обе лицензии, поэтому «двойной регистрацией» презрительно характеризовали гейш, занимавшихся проституцией.

ем детстве, чтобы стать здесь гейшей, нужно было родиться в Понтотё, ныне же требовать такое немислимо. Гости любят, чтобы на банкете их обслуживали *майко*. Мы все-таки в Киото, не в каком-нибудь захолустье: здесь саке тебе наливает молоденькая *майко*, такого нет больше нигде. Приезжие из Токио специально просят пригласить учениц. Но *майко* на всех не хватает, их теперь мало. Так что, если кто-то вроде Мидори хочет работать в Понтотё, зачем ей оставаться в Миягаве, когда она может дебютировать у нас? Подготовка и обучение здесь лучше, а клиентура классом выше.

Так, еще будучи в старшем классе второй ступени средней школы¹, Мидори покинула родной дом в Миягава-тё и поселилась в заведении «Хацуюки» в Понтотё. В шестнадцать лет она стала любимицей двух других гейш, живших там же. Итиумэ была примерно того же возраста, что и Мидори, а вторая из ее новых подруг, Итихиро, — много старше, почти на двадцать лет.

Наставницей-*окасан* для Мидори стала бывшая гейша, пятидесятипятилетняя хозяйка дома «Хацуюки». Как и большинство владелиц чайных домиков Понтотё, эта женщина превосходно владела этикетом, манерой разговаривать, умением держаться, навыками классического танца и музыки — всем тем, что обязана знать и уметь гейша, — и Мидори получала знания из первых рук. Уже гейшей в возрасте двадцати с небольшим лет *окасан* Мидори занимала своего патрона; как обычно, мужчина был значительно старше ее. Она стала его любовницей, покинула сообщество действующих гейш и обрела значительную свободу. Когда покровитель умер, она осталась с маленьким сыном на руках и скромной суммой денег, которых едва-едва хватило на покупку маленького чай-

¹ Соответствует девятому классу. — *Примеч. ред.*

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ЛИЗА ДЭЛБИ
ГЕЙША

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 18.07.2025.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 23,52. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

R-SSG-36141-01-R